

Дим Ко Гарде

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Истории страны "Ноль Три"

Дим Гарде

**Истории страны «Ноль
три». Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Гарде Д. К.

Истории страны «Ноль три». Сборник рассказов / Д. К. Гарде —
«ЛитРес: Самиздат», 2007

Удивителен мир "скорой помощи". Что тебя ждёт на очередном вызове?
Курьёз или досада? А может, станешь, обливаясь холодным потом, спорить
с "провидением"?.. Скоропомощник - призвание, карма, рок... Вырваться из
"03" невероятно сложно! Мне удалось...Содержит нецензурную брань.

Содержание

Болезнь Макара	5
Вступился за профессию	11
Иностранное тело прямой кишки	13
Гадание по руке	15
Домогательство к 03	18
Плохо с сердцем	21
Истории страны 03. Карма	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Болезнь Макара

Макар не спал третью ночь к ряду. Уснёшь тут! Неприятности валились на него, будто он выиграл джекпот в лотерее неудач.

Самой первой, но не главной неприятности он даже обрадовался. Будто закончился сам собою многолетний спор без правых и виноватых. От него ушла жена.

Ушла тихо, без скандала. Прояснила ситуацию, мол, так и вот так. Влюбилась в другого, и ты мне больше не мил. Соответственно, и не люб.

Жаль было кооперативной квартиры, что купил в браке, но за свои кровно заработанные рубли. Решил оставить бывшей, а гараж и автомашину, «Жигули» шестой модели, оставил за собой.

Детей им Бог не дал, так и решили всё полюбовно. По-тихому, без ругани и скандала.

Всё Макар знал и обо всём ведал задолго до путаных объяснений Катерины. Поженились они, можно сказать, спонтанно десять лет тому. Ему было под тридцать, ей – двадцать один. Разница в возрасте совсем не ощущалась, да и любовь была. А может, влюблённость?

Катерина в гастрономе продавцом работала. Макар – в СКТБ¹, что при огромном производственном объединении.

Знакомство было мимолётным, так сказать, «магазинным». Она за прилавком, а он покупатель. В течение недели только глазами, а уж после приветствовать стали друг друга. Позже стали разговаривать, ну и всё как-то само собою и сплелось в рушник «вышиванный», на который они и встали в отделении ЗАГСа.

Зажили в родительской трёшке. Родители Макара были только за, особенно мама.

Да и страсть Макара к радиолобительскому делу со школьной скамьи. Вся комната – то огромная радиорубка. Молодожёны стали жить в большой просторной комнате, а радиорубка за Макаром осталась.

Через год в городе объявился дружок Макара Серёжка. С Макаром они давнишние закадычные друзья. Только развела судьба их пути-дорожки, но что уж тут. Вот и насел на него Сергуня, мол, что ты киснешь здесь в захолустье. Давай ко мне! На морские просторы. Радиолобитель ты первоклассный. К тому же не «шурупом» срочную тащил, а в ботинках по палубе, как есть, три года «отбоцкал». Да и образование высшее по связи за плечами.

Тут и Катерина, мол, а что? В СКТБ у тебя 160–180 руб., а на торговом флоте поболее будет...

– 160–180? – захохотал охмелевший Серёжка. – За последние три месяца, что на посудине ходили, 4 000 руб. зарплата, да и приволок кое-чего. В комиссионный магазин сдал ещё почти на 3 000 рублей. Но я не наглею. Можно и влететь. У нас там с этим строго.

Серёга всё расписывал прелести торгового флота, что и в самом деле шевельнул глубоко сидевшую меркантильность Макара. Но разговор-то под водочку, а оно-то не впрок. Хотя Серёжка балаболом никогда не слыл.

После вечерней встречи с другом Макар с Катериной промеж себя порешили, не пороть горячку, а всё основательно обдумать уже на трезвую голову.

– В бурлачество да за богатством! – вспомнил поговорку Макар да и осёкся под недвусмысленным взглядом Катерины.

¹ Специальное конструкторско-технологическое бюро.

* * *

Всё это приходило на память в бессонную ночь мыслями-муравьями о былом да будто чужом.

Нехотя поднялся Макар с постели да и вышел на кухню. Привычно пошарил рукой по полке да и чертыхнулся. Два года как курить табак оставил, а всё привычка трубку набить одолевает.

Постоял у чёрного квадрата окна, сунув голову под занавеску.

– Да! Где просто – тут ангелов со сто, а где мудрено – там нет ни одного, – прошептал в стекло окна.

Воспоминания кололи его иглами, а к уколам игл он за последние два года так привык.

Сергуня наседал на Макара с неистовостью, не оставляя другу ни единого шанса на смену решения. Уже через полгода Макар отправился в свой первый рейс к берегам Африки в качестве второго радиста. Огромный сухогруз медленно шёл по акватории Черного моря. Макар ещё сам не понимал той радости и счастья, которое испытывает человек, добровольно отдающий себя в длани Посейдона. Ведь воинская служба – то совсем иное, без вольности и свободы.

За семь лет трудов на разных судах торгового флота чего только не увидел Макар. Народ в торговом флоте ушлый, разношёрстный. Да и чего греха таить, и гниль человеческая неоднократно выливалась из неких элементов, но чаще пьяная дурь, глупость, а ещё чаще жадность.

В денежном переводе так Макар совсем забурел! Купили с женой кооперативную квартиру. Пусть двухкомнатную. Гараж справили. Автомобиль приобрели. Для 1984 года прошлого столетия Макар с Катериной очень богато жить стали. Шмотки всё заграничные, денег на роскошь не жалели. А что за роскошь можно было позволить в эпоху развитого социализма? Вот то-то...

Только со здоровьем у Макара нелады пошли. Удушливый кашель стал донимать, да такой глубины, что хоть лёгкие на пол выплёвывай. Так и списан был на берег по здоровью. Стал жить у родителей. У Катерины мужчина. Развод оформили по закону. Ну не жить же в одной квартире с ними? Чего ради людей смешить?

Всё оборвалось после посещения онколога. По результату исследований, ему выставили грозный угрюмый диагноз: «Саркома правого лёгкого со множественными метастазами». Что ещё может быть страшнее, когда жить осталось три, ну, от силы четыре месяца? И всё это в сорок один год от роду.

Вот к Макару и зачастила санитарная автомашина. Это назначенный больному наркотический анальгетик делают. С этим строго! Ампулы под подпись выдают. Не приведи Господи ампулу разбить или потерять. Да не дай Бог буква на стекле ампульном сотрётся! Начмед голову отвернёт! На кресте распятие проведут. В чашу медицинскую посадят и заставят со змеей целоваться!

Утром с 8:00 до 9:00. Вечером с 20:00 до 21:00. Из ампулы в шприц набирают – и тырк в плечо. Какое сам подставишь, в то и стреляют медицинской инъекцией.

Люди в белых халатах стали для Макара повседневностью, мерилom быта. Начитавшись медицинской литературы о своём заболевании, сделал неутешительные выводы. Сражаться за жизнь – безумие, но и в плену у болезни пребывать – весьма невеселое занятие. Силою обстоятельств Макар был загнан в чрево своей квартиры. Общение с людьми свёл на минимум. Родители да люди в белых халатах.

Отвлечь себя от всепожирающего заболевания очень сложно, но когда боль в лёгких после инъекции морфина отступала, то и жизнь в теле Макара просыпалась.

Увлёкся он плетением рыбацких сетей. Выплетая сеть метр за метром, уходил в работу с головой. Цепь размышлений за сетеплетением увлекала своей логикой и абсолютной зако-

номерностью узлов и петель. Челночок летал между леской и пальцами с невероятной скоростью. Макар наловчился в этом искусстве плетения до совершенства. Следует заметить, что рыбаком он никогда не был и в рыбалке ничего не смыслил. А вот, поди ж ты, в снасть ушёл с головой. Хорошая сеть дорого стоит. Браконьер – это рыбак-профессионал. Уж как народ из рыбоохраны браконьерничает, так о том отдельный разговор. Плетёт Макар сеть, в мечтах пребывает. Сколько этих мечтаний он по ветру пустил? Одному ему да Богу известно.

Сохнет тело Макара. Уж и так никогда в лишние килограммы не уходил, а тут болезнь окаянная всего напрочь иссушила. Кожа да кости, ну, глаза огнём ещё горят. Может, только в них и оставалась жажда жизни.

Год болезни на дому привел Макара к сумасшедшей дозе морфина гидрохлорида 1 %. По 2 миллилитра наркотического средства, да через каждые шесть часов. На станции скорой помощи фельдшеры, что на назначения к онкобольным ездят, шушукались меж собою.

«Год прошёл, доза сумасшедшая, и он живёхонек. Конечно, дай Бог ему здоровьица, только не выглядит он на умирающего...». Ещё через полгода медики неофициально к лечащему врачу-онкологу, что Макару назначения выписывал, обратились. Мол, может, что не так в организме. Людмила Ивановна – врач с опытом. Сама удивляется, мол, на обследование его хочу класть, потому как абсолютный нонсенс.

Так Макар в отделение снова попал. Лежит в палате да всё сеть плетёт. Челночком леску туда-сюда гоняет. Мысли свои скромные о житье-бытье по полочкам да стеллажам раскладывает. Политика его не интересует. Внутренние дразги бытового характера отсутствуют. Мать приезжала к нему в стационар, съестного привезла, поговорили о привычном да и разошлись.

Как гром среди ясного неба результаты на Макара свалились. Нет у него онкологии. Рубцы на лёгком есть, а вот клеток метастазирующих да и вообще новообразования нет.

Людмила Ивановна сидела вся в недоумении и сравнивала рентгенограммы, результаты анализов крови, результаты биопсий. Разница в полтора года, а так разительно отличаются показатели, что и быть такого не может. Но факт был налицо! В это было сложно поверить, но упрямая правда документов выводила из оцепенения и заставляла верить в чудесное исцеление.

После повторного сбора анализов, исследований, наблюдений Людмила Ивановна вынуждена была признать, что Макар от онкологии излечился. Как – это уже следующий вопрос, а пока доктор понимала только единственное: что Макар – наркоман, и наркозависимость у него приобретена по медицинским показаниям.

– Вот напасть на мою голову! – причитала доктор в кабинете заведующего отделением. – Это же ЧП! Александр Петрович, что мне с этим делать?

Заведующий отделением онкологии был человеком незаурядных способностей. Пока был молод, медицину любил и жил ею 24 часа в сутки. Время – великий учитель, и соблазнитель, и судья, и прокурор. Всё в одном лице. Зарплата – она и есть зарплата, а жить хочется на широкую ногу. Раз взял, второй не отказался. А уж в третий раз – само собою разумеется. Так и повелось у Александра Петровича стяжать с больных за их же страдания.

А тут и времена сменились. Упокоилась огромная страна да разлетелась на осколки. Пока в осколке, что стала страной Александра Петровича, дым да туман, можно жизнь налаживать в своём отдельно взятом социуме. А угрызения совести – это к чистоплюям. Пусть они в Гамлетовском монологе пытаются истину искать да «толстовщиной» с «достоевщиной» мозг себе канифолят.

– Людмила Ивановна! Это какой-то нонсенс! Может, ошибка в исследованиях?

– Два цикла! Два! Я же не со вчера в онкологии! – с вызовом и даже где-то в оскорблённом самолюбии повысила тон доктор.

– Ну Люда!

– Саш! Не нуди! Смотри в документы.

– Так, погоди. Это не тот ли больной, что с торгового флота?

– Именно он! Собственной персоной!

– Ну так это же и здорово! Проведём как излечившегося...

– Морфина гидрохлоридом 1 % в восемь миллилитров в сутки? – съязвила Людмила Ивановна.

– У меня было прекрасное настроение. Я вот жду сегодня, когда мне автомобиль пригонят из Германии, «Мерседес» Л-класса, а ты мне тут...

– Саша! Нам больного от наркомании лечить!

– Какой наркомании? – всполошился заведующий.

– Медицинской! Восемь кубов морфина! – Людмила Ивановна смотрела в вытянувшееся лицо заведующего отделением онкологии местной ЦРБ.

– Это скандал! – тихо произнёс заведующий. – Не просто скандал. Тут уголовной статьёй пахнет. Шутка ли! Морфинист с лёгкой руки лечащего врача, – он внимательно посмотрел на Людмилу Ивановну.

Доктор чуть подалась вперёд и с шипением выдала в лицо коллеге:

– Санечка! Назначала лекарственное средство я. Но подписывал-то ты!

– И что?

– Вместе по делу пройдем. Я же молчать не стану.

– Ох и сука же ты, Люда!

– Ой! Молчи! Сам-то кто? Как ты запудрил мозги Тугарову да к хилерам на Филиппины летал? Жenu Тугарова спасал? Совесть не мучает по ночам?

Людмила Ивановна задумалась. Женщина она была не робкого десятка. Хирург, да ещё и в онкологии, – это не терапевт в поликлинике. Хватка, самообладание, дисциплина.

– А может, с ним поговорить? – предложила она.

Александр Петрович внимательно смотрел на коллегу. Молчал, боясь сбить с хода мысли, которая приобретала формы концепции поведения на возникшую проблему.

– Поговорить с ним о том, что последние результаты весьма обнадеживают и мы можем провести ему ещё курс химиотерапии...

– Молодец! – тихо прошептал заведующий. – Людочка! Ты гений!

– А мы ему по результату химиотерапии понизим степень и стадию заболевания. Соответственно, и количество наркотического анальгетика!

– Умница! – воскликнул заведующий.

Людмила Ивановна посмотрела на Александра Петровича снисходительно.

– Что ты, Сашка, мелок стал, а жаль! Хороший ты парень был.

– Ну, Люд! Посиди ты в этом кресле. Думаешь, сахар?

– А ты уступи!

– Ну, будет время!

– Обязательно будет!

Врач встала с кресла и собрала бумаги, карту больного со стола шефа и молча пошла к двери.

– У меня хорошая химия есть, – подал голос заведующий.

– Я знаю! – не поворачиваясь, ответила Людмила Ивановна и вышла за дверь.

* * *

Через час она разговаривала с Макаром в ординаторской. Рисовала ему радужную картину исцеления и предлагала пройти ещё курс лечения химиотерапией.

– Снова химия... – удручённо произнёс Макар.

– Что поделывать, дорогой друг! Болезнь даёт нам возможность победить её! Это большой шанс на исцеление.

– Людмила Ивановна, а я в последние три месяца себя стал чувствовать намного лучше! Кашель стих, да и по ночам сплю... Боли совсем прекратились. Может, без химии? После неё мне так плохо.

– Макар! Вы взрослый человек! Разве я вам зла желаю? Вот посмотрите сюда и сюда... Вот значения, близкие к норме, но не достаточны...

Людмила Ивановна указывала золотым пером ручки фирмы Parker на цифры в бланке результата исследований крови, биопсии. Этот бланк она выписала сама пятнадцать минут назад до прихода на приём Макара. Рентгенограммы взяла из чужой истории болезни, приклеив уголок с фамилией Макара.

– Вот и рентгенограмма! Прошу обратить внимание на вот эту белёсость... Посему, дорогой Макар, думаю, что ещё чуть-чуть – и мы болезнь вашу прикончим, – улыбнулась широкой располагающей улыбкой лечащий врач.

– Людмила Ивановна! А что за препарат мы станем вводить?

– Вы мне доверяете?

– Людмила Ивановна! Я на вас и уповаю! Уж кто, а Вы! Врач от Бога! Если бы не Вы...

Глаза Макара увлажнились, и он промокнул их носовым платком, что выудил из кармана больничной куртки.

– Это новейший препарат. Полгода как на рынке и очень хорошо себя зарекомендовал. Препарат из Германии. Я закажу для Вас. Конечно, недёшево, но смею Вас уверить: это того стоит.

– Сколько?

– 1 950 долларов США. Курьер доставляет препарат сам, так что Вам не стоит беспокоиться.

– Я готов оплатить эту сумму. Кстати, вот это, – Макар вытащил из кармана почтовый конверт, – Вам. Вы уж там сами решите. Медсёстры у вас в отделении просто чудо! Александр Петрович меня сегодня спрашивал, как самочувствие. А завтра мама деньги на курс химии с утра привезёт, – он положил на стол врача конверт с пятью сотенными купюрами с изображением Бенджамина Франклина.

Макар проходил курс химиотерапии. Тошнота была постоянной, невыносимой. Такое было впечатление, что ему становилось хуже, чем было до химии. Возобновились боли. Ночное бдение изводило нервы, и Макар совсем впал в отчаяние. Да и вместо морфина стали вводить совсем иной препарат. От него клонило в сон на неполный час, но боль не притуплялась, и состояние было как с хорошего бодуна. Лицо у Макара осунулось, кожа отсвечивала свинцовым тоном. Синюшность на губах, и только глаза были живыми.

О плетении сети не было и речи. Маме позволили быть с сыном круглосуточно. Как ни крути, а только мама знает, что нужно её ребёнку. Только для мамы мы остаёмся детьми, даже с сединами на висках.

Лекарство вводили раз в неделю в среду. Макар ненавидел этот день, потому как выворачивало его всего наизнанку. И ломота в суставах до скрежета зубного.

Оставалась ещё одна среда. Макар стойчески готовил себя к этому финальному броску.

«Только бы выдюжить! Не сломаться! Я ещё буду! Я хочу!»

Он шептал фразы в полузабытьи, боясь испугать маму. Татьяна Алексеевна всё слышала, клала свою ладонку ему на влажный лоб и тихонько баюкала беспокойное дитя.

«Болезнь оголяет человека. Выставляет напоказ внутреннее, то, из чего состоит индивидуум. А может, болезнь есть испытание? Тест на совместимость с жизнью? Тогда кто экзаменатор?» – едва слышно шептал он во тьму.

– Спи, Макарушка... – слёзы стекали по лицу, и она их смахивала свободной рукой.

– Мама, если выживу, уедем к морю. Море – это радость и покой. Море – это счастье.
– Как скажешь, сынок.

Макар забылся в полусне. Дыхание становилось глубже и тише.

Механический будильник, что стоял на прикроватной тумбочке, мерно цокал, но вдруг замер. Татьяна Алексеевна в первые секунды не поняла, что произошло.

Переведя взгляд на сына, замерла в первичном оцепенении. Дыхание исчезло, черты лица совсем заострились.

Страшная догадка ворвалась в сознание матери. Она положила руку на лоб сыну. Холодная испарина, холодная кожа...

Тишину больничной палаты разорвал цок часового механизма. Макар открыл глаза и впервые за последний месяц улыбнулся матери.

– Мне кажется, я выжил! Больше никакой химии. Забери меня отсюда, мама.

Татьяна Алексеевна не верила в чудеса. Более того, не признавала религии, эзотерики, знахарства. Но то, что произошло у неё на глазах с её собственным сыном, шло вразрез с её пониманием жизни как таковой.

– Очень хочу кушать, – тихо произнёс Макар.

– Так нельзя же, сынок! Завтра процедура.

– Мам, процедуры не будет. Я излечился. Мне так и сказал Он.

– Кто?

– Я не знаю, кто. Голос. Но он мне сказал уходить отсюда.

– Так как же можно?

– Мама, – уже твёрдым требовательным голосом обратился Макар к матери, – мы уходим домой!

У медсестёр переполох. Шутка ли – больной требует его выписать из отделения в 22:00. Когда нет врачей, когда этому больному завтра процедура назначена.

– Людмила Ивановна! – зывала в телефонную трубку дежурная медсестра, поясняя возникшую ситуацию.

«Вызывайте скорую, хотя нет. Я сама позвоню. Отпускайте Макара домой».

Медсестра так и застыла с трубкой в руке. За 17 лет работы в отделении она не припомнила случая, чтобы «Железная леди» – так звали за глаза Людмилу Ивановну – шла на поводу у больного.

«Отпускайте под мою ответственность!»

Уже в телефонной трубке были короткие гудки, а дежурная медсестра всё не могла поверить в услышанное. Опомившись, положила трубку на рычаг аппарата связи, шумно выдохнула воздух из груди и быстрым шагом направилась к палате Макара.

Макар сидел на стуле и смотрел, как мама собирала вещи сына.

– Мама! Мы ничего отсюда не возьмём!

– Сынок! А телевизор? А магнитола? Нельзя оставлять...

– Мы ничего с собою не берём. Не хочу с этим в новую жизнь. Телевизор... Пусть кому достанется. Это уже не важно.

Через полчаса прибыла санитарная автомашинка для перевозки больного.

– Домой? – широко улыбнулся фельдшер, неоднократно бывавший в доме у Макара на назначениях.

– Домой! – улыбнулся открытой улыбкой Макар.

Автомобиль качнулся, скрипнул сайлентблоками и покатил по ночному городу.

Вступился за профессию

Приезжая в любую из городских клиник, обслуживающих пациентов 03, можно было наблюдать следующую картину.

Доктора и фельдшеры в синей униформе что-то пишут в белых листах формата А4. Да, это медицинские карты вызова. Фронтальная часть – то сплошные цифры, кодированная информация для статистической службы, и, что самое интересное, меня всегда веселило то, что подгонять приходилось диагноз под код, а не наоборот. Тыльная же сторона карты – это уже жалобы больного, краткий анамнез и объективное, то, что реально происходит с пациентом.

Место действия: приёмное отделение 20-й горбольницы, что в Москве, прозванной в народе «фабрикой смерти». Сидим мы напротив стойки дежурных медсестёр и с упоением занимаемся эпистолярным жанром.

Совсем молоденький мальчик лет 19, в синей новёхонькой форменной одежде, весь испуган и зажат, с румянцем от волнения на щеках, протягивает ургентному хирургу, самцу лет 35, самодовольному, хамоватому (за хамством почти всегда прячут трусость и безграмотность), брезгливо смотрящему на окружающий, как он считает, плебс, сопроводительный талон.

Хирург взял в руки серую истончённую бумаженцию и с негодованием в голосе принялся истерить в адрес молодого фельдшера, ещё недели тому назад сдававшего государственные экзамены в медицинском училище, примчавшегося на одну из городских подстанций к заведующему, находясь в романтическом флёре. С одним желанием – спасти! Помогать страждущим и болезным. На зарплату в 4 500 рублей!!! (Это было в 2004 году. – прим. автора.)

– Да что ж это за дрянь такая! – выл хирургический эскулап. – Это что ты тут понаписал? Печёночная колика. Мочекаменная болезнь. Острый аппендицит. Хронический холецистопанкреатит. Что это такое? Наберут по объявлению! – безостановочно выл хирург, свалившись на фальцет.

Молоденький фельдшер был раздавлен и низвержен этим не по годам и не в меру упитанным самодовольным хамом. И что было примечательным, он ещё поглядывал по сторонам, особо акцентируя внимание на молоденьких медсёстрах приёмного покоя.

– Ты хоть думаешь своей деревянной головой, выставляя кучу нелепых диагнозов, что мне приходится спускаться с этажа, чтобы твою же глупость читать и смотреть эту бабищу, где совсем нет хирургической патологии, где терапевт разберётся...

– Одну минуту, коллега! – убелённый сединами врач скорой помощи, отдавший службе юность, молодость, всю жизнь, Витя Казаков, с чарующим пенсне на кончике носа, с неподдельной искринкой в глазах посмотрел на хирургического специалиста и вкрадчиво, затем с нарастанием выдал тираду в адрес негодующего:

– Вы знаете, коллега! А ведь этот мальчик – фельдшер! Который обязан знать основы реаниматологии, кардиологии, терапии, хирургии, акушерства и гинекологии, инфекционных болезней, детских болезней, неврологии, травматологии, токсикологии, особо опасных инфекций... Вы же, – он помолчал, выдержав мхатовскую паузу, – окромя своего аппендицита, и знать-то, и ведать ничего не желаете! Больного смотреть без лабораторной тройки не станете, да и не страшно, что парень в клинику больную привёз, главное, что не оставил!

Хирург вылетел из приёмника пулей.

Я смотрел на Виктора, и меня распирало чувство гордости за то, что судьба наградила меня тем, что удалось работать бок о бок с такими людьми.

Людьми величайшей силы духа и воли! Желания помочь страждущим, не прячась в тишине ординаторской, нося белый халат на голое волосатое тело, потому как жарко. Да и вообще это поколение врачей скорой помощи из 70–80-х, отдавших службе 03 лучшие свои годы, променяв молодость не на карьеру, а на грязь, пот и черновую работу. В холод и дождь,

метель и мороз. Таща за собою на подстанцию детей, где те, сидя за столом на кухне, рисовали на листиках карандашами да фломастерами под присмотром диспетчерской службы.

Нижайший поклон вам, поколение скорой помощи 70–80-х.

Иностранное тело прямой кишки

«Двадцать!» – с нежностью вылетел призыв из динамика, и дальше в невыключенный микрофон из недр диспетчерской несся дикий ржач фельдшеров по приёму вызовов и коллег, находившихся в диспетчерской. «Срочный!» – и снова смех. На «срочный» бежать нужно стремглав. Я влетел в диспетчерскую «будку» и сразу понял, что веселье явно из-за меня. Ирина, та, что меня отправляла на вызов, задыхалась от смеха. Схватив лист, я пробежал глазами графу «*ПОВОД К ВЫЗОВУ: иностранное тело прямой кишки, мужчи., 34 года...*».

– Ну блин! Я что, проктолог? – и, рассмеявшись сам, посмотрел на Ольгу М., врача-невролога, человека, отдававшего скорой всю свою жизнь. О! Этот человек – медицинский архангел! Ожидая от нее реакции, так как пропустить сей занимательный факт она не могла, хрипло кашляя прокуреными «Явой» лёгкими, она выдавила из себя: «Сладенький тебя ждет!». Я помчал!

Скрипя сайлентблоками, «газель», будто старый фрегат, выезжала из ворот с сиреной и мигающими синими маяками, распугав автомобилистов, «хохоча» направо и налево грозным криком горна.

Войдя в квартиру, я давил в себе смех. В комнате было двое. Он и она.

– Что стряслось? Я внимательно Вас слушаю, – усилием воли пряча своё настроение, жадно хватая воздух, проговорил я.

– Доктор! – метнулся ко мне взволнованный мужик лет тридцати четырёх. – Познакомьтесь! Это моя жена Леночка, – я недоуменно смотрел то на говорящего, то на давящуюся смехом женщину.

«Может, путаница в карте? Диспетчер...»

– Вот, – продолжал мужик.

– Стоп! – оборвал его я. – К кому вызов?

– Ко мне, доктор, ко мне! – обрадовался мужчина.

Я смотрел то на мужчину, то на женщину, и понимал, что в данной ситуации что-то не совсем так. Женщина рыдала от смеха, уткнувшись в свои колени, и её светло-русые выющиеся волосы, расплескавшись, устремились к полу. Мужик же, переминаясь с ноги на ногу, стоял передо мною.

– У кого иностранное тело прямой кишки? – спокойно и в то же время твердо поинтересовался я.

– У меня! У меня! – радостно и с чувством полного облегчения, прижав руки к груди, закивал мужик.

В моей голове информация, влетевшая в мозг, силилась зацепить хоть одно логическое звено таких разномастных злоключений в моей медицинской практике. Я молча уставился на мужчину.

– Поймите правильно, доктор! Мы с Леночкой решили заняться анальным сексом! – мужик заговорщицки мне подмигнул. Леночка, что тряслась в кресле, вдруг взвыла и зашлась в диком хохоте, уже откинувшись на спинку кресла, при этом топя ногами.

– Анальным? – переспросил я.

– Именно! Вы сейчас всё поймёте! – мужчина двинулся ко мне.

– Стоять! – грозно крикнул я и шагнул к раскрытой межкомнатной двери.

Леночка уже рыдала от смеха и извивалась в кресле.

– Больной кто? У кого иностранное тело? – снова переспросил я.

– Да я больной, у меня... – затараторил больной. – Я ей: «Давай туда!». Она мне, мол, нет! Мне больно будет. Я ей: «Ну давай, я аккуратн!». Она мне: «Да нет, больно». Ну, я тогда

взял баллончик освежителя воздуха, что в туалете стоял. Смазав его маслом, себе вставил в анус и показываю ей, что, мол, не больно...

Девушка Леночка – она уже ревела от смеха белугой. Я смотрел на этого идиота с полным чувством бессилия понять сложившуюся ситуацию. В моём мозгу не укладывалась полученная моим слуховым анализатором информация как таковая.

– Ну! Вот, в принципе, и всё.

– Что всё? – с видом дебила спросил я.

– Ну, – замялся он, – он туда полностью и вошёл.

– Кто вошёл? Куда?

Мужик стоял передо мною, понуро склонив голову, словно школьник, нашкодивший в столовой.

– Ты дурак? – спросил я его, не веря тому, что он мне наговорил.

– Я пописать не могу, доктор! Спасите меня.

Что происходило внутри меня в тот момент, мне вряд ли удастся описать, так как для обывателя это полный П. Для доктора скорой сие есть работа.

– Ну-ка! Ложись на спину и покажи мне живот! – совладав с замешательством, я шагнул к дивану. Он лежал на диване, я осмотрел его живот. Даже визуального осмотра было достаточно, для того чтобы понять, что рассказанное им ранее было правдой. По ходу прямой кишки было инородное тело сумасшедших размеров.

– Господи! – простонал я. – Ты бы взял ещё баллон с монтажной пеной. Собирайтесь!

– Ну, вот, доктор, смеётесь вы... – заканючил тот.

– Да ты сейчас ещё всю больницу веселить станешь, и особенно хирургов, что тобою, балбесом, заниматься станут! – в сердцах произнёс я и стал оформлять сопроводительный талон.

Меня вдруг осенила догадка. Вот так просто воткнуть в себя этот предмет он вряд ли смог бы без подготовки.

– Ах, милый! – широко улыбнулся я. – Да ты шельмец! Шалун! Я всё понял. У тебя проблемы с потенцией, и ты таким образом стимулируешь, то бишь делаешь себе массаж предстательной железы!

Мужик густо покраснел.

– Ну, нельзя же так, – укоризненно покачал я головой. – Сходил бы в магазин для взрослых, купил бы резиновое изделие.

– Ему в магазин для взрослых идти стыдно! – услышал я голос Леночки.

Весьма приятный голос. И только сейчас я обратил внимание на барышню.

Да! Стильная красивая женщина, невероятно симметрично сложена и сногшибательно красива. Её глаза были цвета спелой зелёной оливки. Разрез глаз ранил прямо в сердце невероятным миндалевидным изгибом. Губы и рот пленяли чувственностью и жаждой. Грудь сводила с ума, а узкая талия, переходящая изгибами в аккуратную и красивую попку, шатала нервную систему и швыряла в желание обладать её длинными и точёными ногами.

– Ндя! – крикнул я и посмотрел на мужчину понимающим взглядом.

Уже на крыльце городской больницы мужик заговорщицки шептал мне в ухо, чтобы я его подождал или оставил телефонный номер, чтобы он меня смог отблагодарить.

– Да полноте вам, – с иронией в голосе отвечал ему я, – скорая помощь у нас оказывается на безвозмездной основе, то бишь бесплатно. Мне государство жалование платит.

Телефонный номер я всё же оставил и, признаться, не пожалел. Потому как не раз и не два пил кофе в окружении прелестницы, пока её супруг залечивал увечья от любовной страсти к анальному сексу.

Гадание по руке

Коллизии в отношениях между сотрудниками на работе приводят в такие дебри, что скулы сводит от смеха. Не раз и не два я наткнулся на истории, в которых сам попадал в эпицентр паутины смешной ситуации. Чаще лично заплетал историю, разбавляя унылость трудового подвига.

Сергей был водителем автомобиля скорой помощи. Водитель от Бога, как говорится, и иначе не скажешь. Только говорить любил, а вернее, возмущаться. Вопрос заработной платы – вообще притча во языцех! Он переходил на такие феноменальные обороты речи, что слуховой анализатор отказывался сотрудничать с восприятием информации. Он не стеснялся женского пола и даже считал вполне логичным на данную тему изъясняться сугубо нецензурной лексикой.

За бытовым хамством, и это было очевидно, Серёга прятался. За скептицизмом хоронил свои «скелеты из шкафов», а впрочем, я никогда не встречал человека, который бы приходил и говорил: «Здравствуйте! Я Иван Перов. Вот моё прошлое!», – и хрясь! Прямо перед всеми. Нате, мол, кушайте из моего прошлого. Огладывайте мои косяки!

Но случилось так, что довелось мне сидеть в очереди на приём то ли в ЖЭКе, то ли в «Водоканале».

Картина маслом! Кому-то из посетителей стало худо прямо в кабинете, ну и вызвали 03. Обычное дело. Когда бригада шла по коридору, узрели меня и как коллегу приветствовали с шутками да прибаутками. Мол, что же ты тут и помощь не оказываешь. А мне-то тоже палец в рот не клади. Типа: «Без вас никак...», «Дежурный жгут для шеи у вашей бригады...», «Да и индульгенция на безвременный уход выписана на вашу бригаду...». Короче, чёрный юмор, но всё это тихо, почти в ухо собеседнику.

А в окошко, что во двор выходит, виден автомобиль РАФ с красным крестом по белому борту. Вышел из автомобиля водитель и с деловым видом колёса оглядывает.

– Ты смотри! Серёжка! – буркнул мужик, что томился в очереди на приём рядом со мною.

– Знакомый? – с интересом спросил я.

– Дружили раньше. Семьями праздники отмечали, да и вообще! Весёлый парень был. Пока не посадили.

– Чего? – офигел от услышанного я. – Сергей сидел в местах...

– Точно так! За драку сидел. Они там спьяну мужичка избili да отобрали у него часы, бутылку водки и батон колбасы сырокопчёной. По глупости всё. Мужик-то с ними и выпивал, а дальше по пьяной лавочке. О чём-то заспорили, заругались. Вот и драка. Серёга, чтобы «групповуху» не повесили, и отсидел за всех 3 года. Да это когда было.

Вот есть такие люди – им не перечь. Слушай да помалкивай. Кивай головою в такт рассказчику. Он тебе за внимание к своей персоне всю подноготную изложит, да с такими яркими красками да колоритом, что ни один романист не сочинит. А что основное в этих рассказах? Правильно! Детали! Эти пресловутые детали, точные факты, убийственные аргументы создают реалистичную картину из прошлого, возвращая человека в былое, уже затянутое паутиной, покрытое тленом нескольких десятилетий.

– У Серёжки знаменательное событие чрез пару недель, – многозначительно заметил собеседник.

– Это какое? – живо откликнулся я.

– Дедом ему быть.

– Дедом? У него же детей нет, – удивился я.

– Так от первого же брака у него дочь Татьяна. Вот и время уже рожать. Внучка у него будет. Моя жена с его первой женой подруги – не разлей вода.

Мы помолчали. Мужичок о чём-то своём, по всему видно, в прошлое окунулся, а во мне Серёжка совсем по-иному открылся. Без этого флёра «блатоты», что напускал на себя, а простым парнем со своими чаяниями и банальными проблемами жития.

Вечер я посвятил брошюре «Гадание по ладони. Пособие для начинающих». Пришлось идти в городскую библиотеку, заводить читательский билет.

В следующую ночь мне работать с Серёгой, вот и побеседуем.

* * *

Ожидаем вызова возле приёмного отделения ЦРБ. Коли за 20 минут ничего не поступит, нас отправят на станцию. Вот и сидим в автомобиле, маемся.

– Слушай, Серджио, – так я называл Серёгу, – как ты к хиромантии относишься?

– Обман, если не сказать жёстче... – скосил он глаза на молодую медсестру, что сидела внутри просторного салона РАФа.

– Ну, не скажи, друг любезный! Я вот тут изучаю сию науку. Интересные факты выдаёт ладонь.

– Ой! Тоже мне наука! Больше лженаука!

– Давай ладошку, посмотри тебе! – с ходу предложил я.

Серёга замаялся, но нехотя протянул правую руку.

– Серджио! Ты же левша! – воскликнул я.

– Ну да! Левша! – утвердительно кивнул головой Сергей.

– Тогда левую руку давай! Так сказать, гадают по активной ладони.

– Ты подумай! – усмехнулся Сергей и с присущим ему скепсисом во взгляде протянул левую руку.

Тем временем молоденькая медсестричка Тоня уже просунула голову в окошко и с интересом наблюдала за процессом изучения линий жизни.

– Так! Интересные линии у тебя, дружище! Вот, к примеру, линия ума!

Я приблизил глаза к ладони на расстояние около 20 см и внимательным образом стал разглядывать крепкую мозолистую руку.

– Владелец такой вот линии ума весьма практичен. Тебя сложно обмануть! Ты считаешь наперёд!

– Что есть, то есть! – не без гордости заметил Сергей.

– У тебя яркая, чёткая линия жизни. Ты оптимистичный человек! Но вот линия судьбы реально ломается! Странно. Кхм... Похоже, что в самом начале становления характера, личностного роста. Это похоже на лишение свободы! А вот дальше интересно. Линия судьбы чёткая и глубокая. Характерный факт! Изменения для новой жизни. Что-то оставлено, но приобретено. И после от этой линии – это твоё, с тобой.

Сказать, что у Серёги были глаза как блюдца и на лице багровые пятна от волнения, – это было не сказать ничего.

– Антонина! Прогуляйся в приёмное отделение. Позвони на пульт 03, может, нам вызов есть? – обратился я к медсестре.

Та нехотя, но повиновалась. Хлопнула салонная дверь. Серёга не дышал. Мужская ладонь лежала в моей руке, и я продолжал исследовать.

– Что ещё сказать? Жить ты будешь долго и счастливо! Полной, исключительно интересной жизнью. Дедом станешь! Будет тебе радость от внучки! Счастье своё в ней найдёшь. Ну, вот и всё! Я-то ещё только начинаю изучать сию науку.

– Ну ты и бес! – волнение Сергея было налицо. – Неужели всё это по ладони прочитать можно? – в лёгком замешательстве произнёс Сергей.

– Конечно! Там не только о прошлом и настоящем. Это же постижение жизненной философии человека. О его жизненном укладе...

– Ну, вот всё могу понять! Но откуда про внучку? – в упор и не мигая смотрели на меня тёмные зрачки водителя.

– Всё на ладони, Серёж. Всё на ладони...

Вышла Антонина и принесла листочек с адресом. Это был вызов к женщине с больным сердцем.

– Давай, Серджио! Поедем с ветерком!

РАФ качнулся, и мы тронулись в вояж «работать больное сердце».

Сергей стал очень уважительным ко мне. И матерных слов в лексиконе поубавилось. Говорят, даже в храм стал заходить.

Домогательство к 03

– Ну, совсем уже одурели! Принимают вызовы, лишь бы принять! – возмущался в диспетчерской Вася Кузнецов, вчитываясь в полученную карту вызова.

– Ну, как вам это нравится, коллеги: «Пожелтел, температура, тошнота, рвота, больных двое, женский пол...» – зачитывал повод к вызову эскулап.

– Ты бы радовался, не мужской же пол, – улыбнулась Ленка своей очаровательной улыбкой – улыбкой диспетчера по передаче вызовов.

– Ладно, что тут спорить-то? – хмыкнул доктор и зашагал к выходу на гаражную сторону.

Апрель подсушивал дневным солнцем лужи, что наполнились от остатков снега, уже не сереющего, а просто чернеющего на асфальте у стен здания подстанции. Вечер накрывал город с быстротой скоростного трамвая.

«Газель» уже тарыхтела как заправский дизель, и Василий с негодованием и ворчанием сунул голову в салон.

– Куда прикажете, доктур? – огромного, гренадёрского роста мужчина, что восседал за штурвалом скоропомощного «лайнера», спрашивал серьёзно, но в глазах сверкали искры и желание отправиться в путь. Павел Серафимович – водитель! Василий с ним работал последние три года, и их отношения были не просто добрыми, они переросли в качество дружеского общения, хотя Василий годился тому в сыновья. Они много шутили, подтрунивали друг над дружкой. В общем, микроклимат в бригаде был замечательным.

– Поедем мы, Серафимович, на улицу Заповедную... – громко и чётко продекламировал врач.

– И что у нас там имеем? – с неподдельным интересом спрашивал драйвер, с усилием поворачивая рулевое колесо. (А что вы думали? Гидроусилитель руля на наших автомобилях?! Не предусмотрено! Маслай, паря!)

– Да фиг его знает! – в сердцах бросил Василий. – Больных двое! А что же не пятеро? Не семеро?

– Издеваются они над нами, трудягами несчастными, – в тон доктору подхватил Павел Серафимович.

– И не говорите! Требуют они нас! Не могут без нас! – уже улыбаясь и ёрничая, восклицал Василий, подхватывая игривость в разговоре.

Да, это и была «самотерапия»! Вот так они с Пашкой и справлялись с трудностями психологического характера во время скоропомощной рутины. Ёрничали, саркастически остряли, вели беседы на политические аспекты современных реалий и тут же скатывались на сарказм и юмор, высмеивая то высказывания политиков, то просто новостных персонажей.

Дом как дом. Подъезд как подъезд. Различие только в одном – чисто или грязно. Было грязно. Василий не спеша проследовал к створочным дверям лифта и вдавил кнопку на стене. Выработанная привычка – кнопку давить через предмет или ткань. Можно ключом, фонариком, локтем, ладонью, спрятанной в рукав, только не пальцем! А что вы думаете? В наших подъездах некие упыри на кнопки смачно плюют! И не просто слюной, а слизью. Так и вспоминается лозунг 90-х: «Господа! Не сц...те в подъездах!».

На площадке перед дверью квартиры, в которую и вызвали оперативную службу 03, Василий остановился и даже не прислушивался, так как из-за хлипкой входной двери неслась музыка и пьяные женские голоса выводили незатейливые шлягерские этюды в стиле российской попсы.

Звонок дверной не работал, и Вася стукнул в дверь ногой. О чудо! Дверь отворилась и будто пригласила доктора во чрево убито-прокуренной квартиры.

На него даже не обратили внимания! Две пьяных в дымину женщины лет сорока пытались петь и танцевать. Это у них получалось плохо, так как вестибулярный аппарат их отказывался подчиняться даже незамысловатым па ввиду воздействия на мозжечок продуктов этилового спирта.

Вася прошёл в комнату и выдернул шнур питания магнитофона-ведёрника из сети электропитания.

– Э, блин, ты чё! – сразу же забыковала растрёпанная мадам и пошла на Васю с видом разъярившейся тигрицы.

– Меня зовут Василий Иванович Кузнецов. Доктор скорой и неотложной помощи. Вы обращались в оперативную службу 03?

– Какую на хрен три? – с удивлением переспросила тигрица, в шаге остановившись от Василия.

– Что беспокоит Вас? Вы нуждаетесь в скорой и неотложной помощи?

– Ты вообще-то кто? – вперила пьяные зрачки в эскулапа пьяная особа.

– Танька! – цыкнула другая и, распахнув полы халата, шагнула к доктору, обнажив дикую наготу немытого тела.

Василий видывал и не такое. И собак на него спускали, и наркоманы укладку с наркотиками отбирали. Как-то его медицинский ящик просто вышвырнули на лестничную площадку. Народонаселение, когда подвыпьет, просто с ума сходит. Посмотрев на женщину, Василий хмыкнул и изрёк:

– Женщины! Давайте соблюдать нормы и правила приличия...

– Малыш! Ну что же ты! Возьми меня! – выдохнула вонючим перегаром в лицо доктору деваха. Как-то хотела эффектно развернуться, но ноги подвели, и она распласталась прямо у ног Василия.

– Женщины! Прекратите балаган! И давайте я вас осмотрю на предмет повода к вызову.

– Да нам мужик нужен! Трахни нас! – заговорщицки подмигивала та, которую назвали Танькой. Зрелище было абсолютно противным, и Василия сие напрягало до ломоты в висках.

– Вам нужны мужики? – хитро улыбнувшись, спросил эскулап.

– Мы тебе и минет сделаем, и, как захочешь, нас отымей! Только не стесняйся, – смачной отрыжкой закончила тираду лежавшая на полу баба, пытаясь подняться и при этом цепляясь за ногу Василия.

– Ну что же! Воля ваша! – он шагнул к стационарному телефону, стоявшему на столе, и набрал тогда ещё 02.

– 112! Дежурный оператор МВД по городу Москве! Чем можем помочь? – голос девушки-оператора был чертовски приятным.

– СС и НМП г. Москвы, 17 подстанция, бригада 20. Нападение на бригаду 03 в форме сексуального насилия.

– Чего? Реально? – отойдя от официального опросника, удивился голос.

– Ну да. Просят очень. Я один не справлюсь.

– Отправляю к Вам помощь в вашей нелёгкой миссии, – хохотнула оператор 112.

Василий сел за стол и принялся за бумаги.

Та, что так и не смогла подняться, на четвереньках проделывала путь до кровати, что стояла в углу, черепашьими шажками. Танька же держалась стойко! И уже пыталась со спины обнимать Василия и расстёгивать молнию на груди комбинезона доктора. Василий же мягко отстранял её руки, при этом приговаривая:

– Ну, ты погоди! Сейчас формуляр заполню, ты пока в ванную сходи.

– Это я мигом, только покурю.

Минуты через три в полукрытой двери показалась фуражка милиционера, за ней ещё одна.

Первый смотрел на доктора и молча вскинул бровями, мол, как ты?

– Проходите, господа! – громко пригласил Василий.

Танька смотрела на вошедших словно на чудо из чудес.

– Доктор! – обратился старлей к Василию. – Проблемы у граждан со здоровьем есть?

– Нет! Только алкогольное опьянение.

– Собираемся, девочки. Приятно скрасите дежурство в отделении внутренних дел по району Южное Медведково. Полы не мыты, цветы не политы.

– Спасибо, парни! – протянул им руку Василий. – Уж и не знал, как быть с этими жрицами любви.

– Всегда рады служить! – бодро ответил старлей, широко и открыто улыбнувшись эскулапу на прощание.

Плохо с сердцем

«Разлука ты-ы, разлука... Родная сторона-а-а...»

Звуки, схожие со скрежетом канифоли, тонули в разношёрстном вокзальном гаме.

У всех вокзалов есть одна особенность – запах, ни с чем его не спутать. Запах железной дороги. Здесь смешивается всё – от тяжёлого перегара до дешёвой косметики. От вылитой прямо на асфальт тротуара цветочной воды до амбре из вокзального туалета.

Вокзальная площадь. Народ, снующий туда-сюда. Прносятся с грохотом металлические тележки, управляемые носильщиками. Здесь же бегают молодые парни в кислотного цвета накидках – парковщики, предлагающие за 100 рублей караулить автомобиль.

Бомжеват, неопрятен, кожа до негроидного пигмента. От немытого тела специфический запах. Он сидел у стены, перед ним лежала коробка, куда пробегавшие мимо люди швыряли мелочь. Так изо дня в день. Славка сидел в этом углу уже почти год. Он бы давно уже бросил всё и уехал из этого ада, но... Он не мог.

Как же давно это было? Почти никогда, да и не с ним. Молодой парень, здоровый, красивый, полон сил, надежд. На стройке, куда его взяли арматурщиком, он работал неделю. Работа нехитрая, но требующая навыка и физической силы. Слава быстро сошёлся с разношёрстной публикой, работавшей на стройке со всей необъятной родины. Бывшей родины.

Новые вехи, новые свершения, жизнь одаривала одних кнутом, других – пряником, а кому и позволяла за день-два усаживать свой пока ещё костляво-худосочный зад в широкий кожаный диван «Мерседеса» представительского класса.

Славка догадывался о некомпетентности бригадира, потому как последний путался в сечениях арматуры, марке бетона и многих других весьма значимых в производстве вопросах. Звали его Петрович, сам он был из подмосковной Балашихи, куда и уезжал после трудового дня на автомобиле марки ГАЗ.

Всё бы было ничего, да как-то в конце рабочего дня Славка стал случайным свидетелем разговора Петровича с каким-то незнакомцем. Разговор шёл о том, что 5 белорусов, 7 украинцев, 6 молдаван получили расчёт за три месяца и вечерними поездами уезжали домой к семьям, так сказать, на побывку.

– Белорусы едут до Гродно в 22:14, поезд 11, вагон 7. Украинцы едут в 21:01, поезд Киев, 41, вагон 5, их там трое, на руках по полторы тысячи долларов.

Славка похолодел от осенившей его догадки.

«Вот ведь гад! Это же он их сдаёт бандюкам! Нужно парням сообщить! Какой подлец!» – лихорадочно неслось в мозгу.

– Ты чё это, потрох? – хохотнул бритоголовый здоровяк, схватив Славку за плечо. – Чё делаешь тут, бродяга?

У Славки подкосились ноги.

– Да, это... Тут я работаю... – как можно жалостливее заныл Славка.

Здоровяк поднёс к своим мясистым губам портативную рацию и брякнул в неё:

– Митяй! Тут чужого встретил. Чё с ним делать? Чёрт вроде... У Петровича спроси.

– Ща! – ответил голос из пластиковой коробки.

Через полминуты перед Славиком стояли пятеро и с ними Петрович. Последний только молча кивнул и вышел.

Славик ничего не помнил. Пришёл в себя в каком-то сарае, рядом с ним лежал человек в грязном ватнике. Он попытался встать, но тело не слушалось. Правая нога была словно колода, в голове стоял шум. Славка доковылял до двери и толкнул её. Дверь лишь вздрогнула, но не открылась.

Тело в грязном ватнике шевельнулось и как-то разом оказалось в сидячем положении. Это был мужик с заплывшим глазом.

– Чё скачешь, болезный? – прохрипел и тотчас закашлялся. – Не быкуй, коль оклемался. Не ровён час Гонтарь придёт, вот тогда тебе жизнь нарисуетя! – откашлявшись, проревел мужик.

– Где я? Что со мною?

– Что с тобою, не скажу, потому как не знаю, а где... В добром месте. На свалке... Человеческих тел! – хрипло засмеялся и тут же зашёлся в приступе кашля мужик.

Санитарный автомобиль, отгесняя толпу, двигался по вокзальной площади. На капоте красовались огромные красного цвета не то буквы «ОЗ», не то цифры 03. С одной стороны – это волшебники из страны ОЗ, а с другой – скромные труженики станции скорой помощи.

Автомобиль остановился напротив коробки Славика. Из салона вывалился грузный человек в синей летней униформе. Человеку было жарко. По его лицу и шее стекали огромные капли пота. Он не спеша разорвал бумажный пакет и натянул латексные перчатки, бумага упала прямо под ноги и застыла эдаким исполином на горячем асфальте.

– Привет, Славик! – обратился фельдшер к бомжу.

– Здравствуй, Николаич! – без особого энтузиазма произнёс Славка.

– Давай в машину, заколебал.

– А чё я? Я же не так давно с помывки...

– Не знаю! Вызов есть, я работаю! Давай-давай, не задерживай.

Славик собрал нехитрый скарб и поволок ноги к салонной двери, «услужливо» распахнутой водителем.

– Давай на пол! – приказал шофёр, и Славка уселся на пол салона.

– Мой тут после вас... Козлов вонючих.

Славка сидел на полу автомобильного салона словно в духовом шкафу. Фельдшер закрыл перегородочное окошко и заполнял формуляр на коленке.

«Сопроводок, – догадался Славка. – Это хорошо, на больничку. Три дня покайфую...»

Автомобиль качнуло, и, скрепя сайлентблоками, «газель» потянулась к выезду с вокзальной площади.

Проехав километра два, автомобиль прижался к обочине, и фельдшер пересел в салон. Славка почувствовал недоброе, не зря ему сегодня снилась стая ворон.

– Ну чё, бомжара, ценные вещи есть?

– Николаич! Ты чё? Какие ценные вещи? У меня вон в коробке рублей 50, и то мелочью, было.

– Хорошо! Ценных вещей, денег, драгоценностей при себе не имеет.

Фельдшер записал в талон и посмотрел на Славку.

– Ботинки снимай!

– Зачем? – удивился Славка.

– Новое указание! – подмигнул Николаич водителю.

Славка послушно разулся.

Фельдшер достал из кармана нож и подцепил им стельки, а после подрезал каблуки.

– Ничё нету, говоришь. Раздевайся!

– Николаич, да нету ничё, я вчерась всё в буру проиграл, даже опохмелиться с утра смог за Савраскины деньги...

– Не гони! Снимай штаны.

Славик снял брюки и повернулся к Николаичу.

– Нагнись, разведи ягодицы.

– Николаич!

– Давай, сучёнок! Не то...

Фельдшер с силой толкнул бомжа, и тот, потеряв равновесие, упал на каталку, больно ударившись коленом о станину. Боль перекосила лицо бомжа, и тот до крови закусил нижнюю губу.

Фельдшер придавил Славку и из ануса выдернул какой-то предмет.

– Ох, ты! – выдохнул Николаич. – Здорово!

Он развернул предмет. Это был тугой рулон купюр, упакованный в презерватив. Не снимая перчаток, фельдшер развернул «торпеду», бросив презерватив на подножку двери.

– Нехило! А говоришь, нету. Вот за нету у ты ничё и нету! – смачно заржав, Николаич сунул деньги в карман.

Славик повернулся к фельдшеру.

– Деньги верни!

– Чего? – в недоумении посмотрел Николаич.

– Деньги верни! Это мне домой! Ехать нужно! Хоть с чем-то. Сколько же я тебе раз да ментам давал? Я уехать хочу, жить нормально хочу! Верни!

Славка вдруг окреп изнутри и пошёл прямо на фельдшера.

Тот в свою очередь набычился и пошёл на Славку.

– Ты! Чуха!

Николаич прямым в голову двинул Славку так, что тот завалился между каталкой и боковым сидением. Фельдшер надел сверху и колотил по голове Славку пудовыми кулаками, приговаривая: «Чмо! Ты на кого! Я тебе! Ты, падаль подзаборная! Вонюха вокзальная, отрепье...».

В голове у Славки всё поплыло. Удары сыпались один за другим, Славка уже не чувствовал боли.

Он видел себя 10-летним пацаном, бегущим по лесу с огромным грибом в руках, задыхающимся от счастья, что он нашёл самый большой боровик, абсолютно не червивый.

Он видел себя за рулём 133 ЗИЛа в автошколе перед службой в армии.

Огромное чрево военного транспортного Ил-76, жара Кандагара.

Родной завод. Родильный дом. Сонную медсестру в роддоме со словами: «Ну что Вы, у Вас мальчик! 3 700!».

И последний взрыв в голове, вспышка!

Славка провалился в темноту...

– Тварь! Тварь! Тварь! – водитель схватил фельдшера и оттащил от обмякшего бездыханного тела.

– Николаич! Ты же того! Мёртвый он... – водитель был бел как мел, в испуге глядя на фельдшера неестественно расширенными зрачками.

– Дверь закрой! – выдохнул Николаич.

– От же скот! Подох!

Водитель продолжал смотреть на тело бомжа.

Между каталкой и сидением всё было залито-забрызгано кровью.

– Не бойся! Кто бомжа искать станет... – глухо произнёс фельдшер. – Да и вызов у нас левый. Я сам вызывал, хорошо, что не со стационарного, а с телефона-автомата.

Водитель молчал.

– А я тебе, Иваныч, денег дам. Нормально дам. Да и сам ты видел, бросился он на меня с ножом.

– Не было у него ножа, Николаич! – водитель посмотрел на фельдшера.

– Чего? Чё ты сказал? Как не было? А долг ты мне в 5 000 «бакинских» когда отдашь? Игрок хренов! Или, хочешь, я Ленке всё расскажу, как ты по игровым автоматам... Как у меня под 30 % тыщу зелени взял на месяц?

– Да ты успокойся, успокойся, Николаич! Ты чего? – испуганно зашептал водитель. Не знаю я ничё! Чего скажешь, я подтвержу!

– Смотри мне! Тыщу, короче, мне отдашь, и в расчёте мы. Давай к прудам на 5-й Лучевой просек.

Автомобиль двигался по парку от пруда. В салоне было влажно и чисто.

– Грот! Грот! 20-я! Мы свободны! На Корнейчука!

– 20-я, принимай вызов, Цветочная! Дом 17, подъезд третий, этаж 7, кв...

– Принял вызов 20-й! Плохо с сердцем! Поехали!

Автомобиль медленно вырулил на шоссе.

У бригады вызов «плохо с сердцем».

Истории страны 03. Карма

Рабочие будни станции скорой помощи не прекращаются в течение 24 часов в сутки. Оно и понятно! Болезнь не спрашивает разрешения войти, а травма и подавно.

В сей ипостаси работают обычные люди. С их весельем и разочарованием. С банальными бытовыми радостями и трагедиями. Они не плохие и не хорошие! Они – люди! Хотя и исполняют свою трудовую повинность на очень серьёзном посту – сохранение жизни и здоровья обывателей, то бишь нас с вами.

Татьяна пришла на станцию в апреле просто поработать, пока не сыщется «место под солнцем» в более приемлемом для неё качестве.

Впрочем, работа ей нравилась, и уровень теоретических знаний, полученных в alma mater, позволял ей получить признание у коллег по цеху, администрации, хронических больных, которые обоснованно были основными экспертами в номинации «молоденькая медсестричка».

Обычный человек, не замеченный в «выездном распутстве», «послеработном алкоголизме», сплетнях диспетчерского «особого отдела». Да и по линии «административного стукачества» не была скомпрометирована, а это весомый аргумент! В общем, Татьяна была из тех, кто работает, не напрягая своим присутствием сложный механизм коллектива.

Для коллектива суточной смены было приятным шоком, когда через три года работы в смене Татьяна появилась на смене с золотым обручальным колечком на пальчике правой руки, которое изменяет статус девушки. А поутру в комнате отдыха был накрыт лёгкий фуршет, где и поднимали тосты за её семейное благополучие.

– Проглядели мы тебя! Всё на после оставляли! – балагурили особи мужского пола, за которыми ходила слава «рабочего донжуанства».

– И верно, что не испортили девчонке жизнь! – вспыхнула краской на лице старший врач смены Маргарита. Женщина правильная во всех отношениях, но злаязыкие «кумушки» из диспетчерской уже недвусмысленно переглядывались меж собою. В этих взглядах был отточен язык, и Верка с Катькой, диспетчеры смены, предвкушали разговор tet-a-tet ввиду открывшегося обстоятельства.

– Маргарита Николаевна! – бархатным баритоном оппонировал врач-реаниматолог Николай Петрович. – Это Вы сейчас в чей огород камешек швырнули?

– Коля! Молчал бы ты в тряпочку! – парировала Маргарита, заливаясь смехом.

Коллеги поздравляли Татьяну, сетуя на то, что она им не сообщила заранее, и быстренько оформили сбор денежных средств на подарок молодой семье.

Через час действие было закончено, и сменившийся медицинский оркестр разбежался кто куда. Татьяна с парой девчонок прибрались в комнате и, убедившись, что после себя не оставили следов застолья, отправились по домам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.